

НОЧЬ В БИЛЬЯРДНОЙ

По благородному сукну цвета тенистого газона катались молочные шары: то бились друг о друга с громким цоканьем, то расходились вежливо, с деликатным щелчком. Одни ныряли в сетчатые мешочки луз, оставшиеся замирали на пути к ним. Вокруг стола перемещались двое мужчин: немолодой, в очках, солидно одетый в шелковой рубашке и костюмных брюках, другой, явно помладше, – смуглый, коренастый, с залысиной, в поношенной майке на выпирающем небольшом бугром животе. Играли в русский бильярд по правилам свободной пирамиды, в просторечии – «американки», то есть любой шар может стать как снарядом, так и мишенью. Тот, по которому наносят удар кием, называют битком; его также можно отправить в лузу как свояка – рикошетом от другого шара.

Немолодого представительного мужчину звали Игорь Германович Шестов. Рабочий день перед визитом в бильярдную был прожит им, откровенно говоря, нехотя. В офисе он никак не мог сосредоточиться на вычислениях, вместо формул в голове у него маячили игровые позиции. Подчинённых своих он также отчитывал вполсилы, хотя обычно устраивал им долгий разнос. После обеда директор раскритиковал работу его отдела, пригрозив понизить в должности, а у Шестова даже в тот момент на уме были одни шары да лузы.

– Ну, красавелла! – выпалил соперник, глядя, как Шестов забил дуплетом: биток толкнул шар, тот врезался в борт и от борта неспешно уплыл в противоположную лузу. – Чую, интересно мне с вами будет...

Шестову этот комплимент показался убаюкивающим приёмом: в игре мало кто радуется успехам визави. Впрочем, тот уже был пойман Шестовым на притворстве: он заметил, что поначалу тот намеренно играл хуже своих возможностей – скрывая технику, лупил на силу и везение.

– Ах, да что ж ты будешь делать-то, сука! Видели, да? Не везёт! – сокрушался соперник после очередного промаха. – Надо разыграться. Часто тут бываете? – Манера общения у него была простой, мужицкой, однако в целом он не производил впечатления игрока, который отмутузит в случае своего проигрыша.

– Ну да. Частенько, – всматриваясь в расстановку шаров, пробормотал Шестов.

– Рядом тут стрип-клуб есть, знаете? Ходили туда?

– Знаю. Не ходил.

– Понятно. Не любитель. Чем занимаетесь, если не секрет?

– Финансовой математикой, – сухо вымолвил Шестов.

– О, это дело полезное! Риски вычисляете, да?

– Ну, не ириски считаю... – мрачно пошутил Шестов.

– Хех!.. Ну, я угадал? – допытывался мужик.

– Руковожу отделом тех, кто вычисляет, если быть точным.

– Понятно. С академиком играю!.. – явно льстил второй. – Не хотите... хм... немного подогреть интерес к партии? По мелочи, квартиры ставить не будем...

Шестов молча кивнул. Он и пришёл сюда, ведомый прежде всего азартом, поскольку игра сама по себе давно не увлекала его, как раньше. В молодости стоило ему подойти к бильярдному столу – и мир вокруг него отступал, заменялся белым фоном, а на зеленом сукне под тусклыми светильниками открывалось наглядное торжество законов механики и геометрии. С возрастом для Шестова игра сама по себе утратила ценность и значимость, магию и уникальную прелесть, зато интерес к ней вошел в строгую зависимость от размера ставки.

Игроки поборолись за право первого удара: оставили на столе два шара и почти одновременно отправили их к противоположному борту. Достигнув преграды, шары покатались обратно, соперник Шестова оказался ближе к «дому» – переднему борту. В первой же партии на деньги, на начальные пять тысяч, мужичок заметно преобразился – дождавшись выгодной позиции, хладнокровно исполнил победоносную серию.

– Видишь, умею кой-чего, – приговаривал он. – Ну, ладно, это уж повезло мне...

«Рано ты себя обнаружил, гад», – подумал Шестов.

Во второй партии на двадцать тысяч он сумел взять реванш, хотя противостояние получилось довольно плотным и нервным. Соперник воспринял свой проигрыш с кривой ухмылкой и мгновенно предложил увеличить ставку до пятидесяти.

В третьей партии Шестов промахивался, исключением был лишь тот красивый дуплет, после которого, однако, почти все шары прилипли к борту. Напрашивался отыгрыш – удар, цель которого не забить самому, но усложнить дальнейшие действия сопернику. Шестову всё же захотелось рискнуть – толкнуть одинокий шар, который располагался в относительной близости от дальней лузы. Пришлось тянуться враскорячку, опершись о бильярдный стол и встав на одну ногу.

В этот момент у мужика зазвонил телефон. «Да! И чё? И чё?! – кричал на кого-то. – Дай мне отдохнуть, а! Потом позвоню... Извините, если отвлék, – вода пальцем по экрану телефона, бросил он Шестову. – Бабы, они такие!..»

После нескольких прицеливаний, подгоняемый затёкшей спиной, Шестов грубо промахнулся, но, что хуже, биток на отскоке задел прилипшую к борту грудку шаров. Соперник в ответ благоразумно сыграл самый простенький из предоставленных ему вариантов.

– Хочешь реванш? – тут же осклабился он.

– Да, – кивнул Шестов, отстёгивая ему купюры.

– Сколько ставим? Давайте поднимем до семидесяти, а?

– Хорошо.

Они сыграли ещё две партии, по очереди добившись в них успеха.

– Может сотку, а?.. – вновь предложил повесить ставку мужик.

Повисла небольшая пауза. Шестов прикинул, сколько денег у него осталось на банковской карте. Нет, не хватало. Но всё же он согласился и тут же добавил:

– Только в туалет отойду.

Мужик усмехнулся:

– От волнения, что ли?

Изобразив на лице улыбку, Шестов не ответил и пошёл через длинный зал, вскользь поглядывая на других посетителей. В основном взору его представляли их спины. Нависнув над столом грузными телами, раскатисто гоготали два красношеих мужика. За соседним разминался наедине с собою один завсегдатай – щуплый старичок интеллигентного вида в жёлтом вельветовом пиджаке. Мелькала здесь и грудастая блондинка невысокого роста – Шестов уже встречал её раньше, она вроде только училась бильярду и каждый раз находила себе нового партнёра-наставника. Кто-то орал на весь зал низким мужским голосом: «Да было!.. Было касание!» Вскоре крик сократился до пронзительного «было!!!».

Поравнявшись с барной стойкой, Шестов повернул к туалету. А там, поглядывая то на своё отражение в зеркале, то в телефон, он торопливо соображал, у кого попросить денег. В голове чередовались имена друзей, знакомых, дальних родственников... Жена отпадала сразу: как-то раз, узнав о проигрыше в двести тысяч, она устроила Шестову долгий разнос, тогда он поклялся ей, что будет знать меру. Взглянув на часы – оказалось, час уже поздний, – Шестов сократил воображаемый список до одного верного подчинённого, который, как-то раз, извиняясь за опоздание, признался, что плохо спит по ночам. Набрал его номер.

– Привет. Извини за поздний звонок. Не разбудил? – Шестов сгорал от стыда.

– Нет, Игорь Германович. Не сплю пока. Ага, слушаю вас.

– У тебя не будет в долг сорок тысяч?

– Да-да, будет, конечно, – услужливо зачастил подчинённый. – У вас что-то случилось?

– Всё нормально. Просто мои деньги на карте жены, а она спит, – признался Шестов, но дальше на всякий случай соврал: – У меня тут встреча кое с кем... Не хочу быть стеснённым в средствах.

– Понимаю. Сейчас переведу, – пообещал подчинённый.

В этот момент Шестов почувствовал себя очень могущественным человеком и... одновременно жалким.

Вернувшись в зал к своему столу, он продолжил игру. Деньги уже были на его карте, это поднимало дух.

На сей раз Шестову удалось заполучить в розыгрыше право первого удара. После он уверенно открыл счёт в партии, забив рикошетом от пирамиды, и тут же ощутил невероятную лёгкость, словно прежде какая-то неведанная сила забирала у него мастерство. Ещё один шар – изящный свояк – в боковую лузу, за ним «чужой» – мощным выстрелом в дальнюю. Краем глаза Шестов следил за выражением лица соперника, но вместо желаемой тревоги видел на нём безмятежность и даже какую-то снисходительность. «Неужели ты настолько уверен в своей победе? – думал Шестов. – Может, ещё не показал свой максимум?.. Да нет, – успокаивал себя, – всё-то ты, братец, уже показал и, чую, проиграешь сегодня!»

Ведя 3-0, Шестов допустил ошибку, чересчур поверив в свои силы и пытаясь заколотить резаным ударом в дальнюю лузу. Соперник начал потихоньку догонять его: 3-1; 3-2; 4-2; 4-3; 4-4. Потом они по очереди вырывались вперёд. При счёте 5-5 Шестову досадно не повезло: шар после его удара увяз в створках лузы и, будто испугавшись падения, застыл на краю стола.

– Да как?! – не сдержался Шестов.

– Извините, – бросил мужичок. Ему оставалось «собрать урожай»: лёгкими прямыми ударами соперник организовал конвейер по переправке шаров в ту самую злосчастную лузу.

– Скажите мне номер телефона, – достав мобильный, пробормотал Шестов.

– Отправите переводом? Записывайте: 925... Григорий Михайлович – это я, ага. Чё, не будете больше? – усмехнулся мужичок.

– Нет. – Шестов был мрачен.

– Хех, бывает. Но я не последние у вас отнимаю? – спросил с деланным участием. – На проезд хоть осталось?

– На проезд хватит, – буркнул Шестов.

Он сгорал от злости и желания взять реванш, словно, наполучав тумачков, был вытащен кем-то из драки. Соперник, точно почувствовав его настрой, обратился с неожиданным предложением:

– Хотите отыграться? Можем сыграть на ваш мобильный.

– На мобильный? – удивился Шестов.

– Моё дело предложить... – замялся мужик.

А Шестов ухватился за это предложение:

– Я ставлю мобильный, а вы?..

– Пятьдесят тысяч. Он же б/у, сами понимаете... – Соперник кивнул на телефон в руках Шестова.

– Нет... В смысле... да, я согласен, – запинаясь Шестов. – Давайте сыграем.

Эта партия и вовсе была односторонним избиением. Шестов проклинал уже не игру, а себя: сколько раз он клялся никогда больше не подходить к столу и даже не смотреть матчи в интернете, а однажды и вовсе сломал кий о стену на выходе из клуба. И вот опять весь день на работе он только и мечтал оказаться в бильярдной!.. Представлял свои будущие точнейшие удары. Что ж, мечта сбылась – он здесь, да только мажет, как пьяный инвалид. Хоть беги отсюда! Злости Шестову добавляло и то, что проигрывает он человеку явно ниже себя по всем параметрам... по всем, кроме техники игры в бильярд.

– Дайте мне пару минут, чтобы я почистил телефон. Удаляю личное, – мрачно вымолвил Шестов.

Соперник, к его удивлению, бросил на него внимательный и даже как будто участливый взгляд:

– Погодите. Сыграем последнюю партию. Я ставлю ваш мобильный и пятьдесят тысяч.

– А я? – не понял Шестов.

– А вы – ничего. – В голосе соперника слышалась снисходительность.

– Но это как-то... нечестно...

– Опять-таки моё дело предложить... – пожал плечами мужик.

– Давайте просто я попробую отыграть мобильный... – пытался договориться Шестов, он чувствовал, что самолюбие его еще больше уязвлено.

– Нет, так неинтересно будет, – ослабилась соперник.

«Всё-таки глумишься надо мной, козлина, – думал Шестов. – Уже ничего не стесняешься».

Тем не менее Шестов решил не упускать этот шанс и, более того, в случае выигрыша сыграть ещё раз. Вот только злость не придавала ему сил, скорее, наоборот, кий в его руках стал каким-то непослушным, чужим, ошибки в игре становились всё грубее. Соперник же

разошёлся на полную, забив резаным дуплетом. Это сложный удар. Шар срикошетил и был послан в борт под углом. Шестов оценил и еще больше занервничал.

– Всё! Всё! Хватит! – прикрикнул он. – Я вижу, вы притворялись чайником в начале игры, а сейчас откровенно издеваетесь надо мной!

– Во-первых, я играл честно и по правилам, – спокойным голосом с какой-то новой деловитой ноткой ответил мужчина. – А во-вторых, я предоставил вам шанс. Согласитесь, это тоже риск с моей стороны.

– Да ничем ты не рискуешь! – рявкнул Шестов и тут, взяв себя в руки, добавил: – Ладно, сейчас подчичу в телефоне...

Он стал удалять номера близких, фотографии, при этом чувствуя, будто прилюдно отрекается от всей своей жизни. Вот он на Чистых прудах у памятника Кунанбаеву, вот сынок его скорчил уморительную рожу, Крымский мост, Нескучный сад, смешное видео с собакой, фото жены... Всё – в небытие.

– Спасибо за игру, – положив на зеленое сукно мобильный, ради приличия выдавил из себя Шестов.

– Спасибо, – кивнул мужичок. – Позвольте, я скажу вам еще кое-что?

– Что? – нахмурил брови Шестов.

– Мне кажется, вы такой азартный именно потому, что здесь невозможно просчитать все риски. – Эта фраза из уст соперника прозвучала неожиданно сочувственно.

– Может, и поэтому, – мрачно кивнул Шестов.

Перед тем как выйти на улицу, он решил опрокинуть в себя стопку-другую. Сев у барной стойки, на последние деньги Шестов заказал себе два раза по сто грамм, апельсиновый сок и сразу расплатился оставшейся наличкой.

Сзади к нему неслышно подошёл старичок в вельветовом пиджаке:

– О, Игорёк! Что у тебя случилось? Выглядишь неважно...

Шестов молчал. Старик сел рядом за барную стойку.

– Проиграл, значит. Бывает... Но ты держись. Бильярдная – такое место, знаешь, где карета превращается в тыкву и наоборот. И так раз по пять за ночь!

– Ненавижу эту игру, – процедил Шестов и опрокинул в рот стопку. – Может, это проклятие на мне? Хотите верьте, хотите нет, но больше вы меня здесь не увидите!

По сумеречному залу Шестов прошёл к выходу. Открыв дверь, он был ослеплён лучами утреннего солнца. Всё вокруг него переливалось этим неутомимым светом, даже угрюмые обшарпанные многоэтажки сверкали белизной. Шестов вытащил кий из чехла, приставил его к стене и со всей дури врезал по нему ногой, после чего пошёл своей дорогой.

В метро столь ранним утром народу было мало. Лица сонные, недобрые, смотрели будто с осуждением. Теперь, глядя через окошко в темноту тоннеля, Шестов почувствовал себя невероятно свободным; лишившись телефона и денег, он волен идти куда хочет. Но стоило ему отвлечься от этой мысли, разрешив воображению нарисовать произвольный образ, перед глазами снова покатались молочные шары. Шестов попытался усилием воли отогнать их, но те лишь выстраивались в узоры бесчисленных позиций...